- 6 ИЮЛ 1982

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

На соискание Государственной премии СССР

И далее — всегда

— У меня пластинка, поминишь: «Коща, которая гуляла сама по себе». Там Плятт и Марецкая. Мне с тех пор все время кажется, что все сказки Киплинга написал Плятт.

На это, с точки зрения здравого смысла, нелепое суждение нечего возразить. Потому что сколько лет знаю — из зрительного зала — Ростислава Яновича Плятта, столько лет уверена в том, что именно он автор, а не исполнитель каждой своей роли. Не потому, что всюду играет себя. Это было бы не авторством, а подменой индивидуальности персонажа своей собственной индивидуальностью. Плятт — актер, исповедующий характерность и бесконечно далекий от тиражирования собственного внутреннего и внешнего облика. Но в профессии актера есть два пути, или, говоря языком математики, два действия: делить роль на себя — и тогда получается частное или умножать — и результатом станет произведение. Каждый образ, созданный Пляттом в театре или кино, на радио или телевидении, — это произведение подлинного искусства. Такой оригинал, с которого не сделаешь копий.

Мощность его убедительности можно сравнить разве что с мощностью его же собственного обаяния. Впрочем, и на сцене, и в жизни они «подпирают» друг друга.

Невозможно объяснить, «как» это делается, — остается лишь констатировать: каким-то образом Плятт убеждает, что Федор Павлович Карамзюв не просто гаденький, вызывающий чувство нравственной и физической безгладности мерзавец, но еще и жалкий, одинокий, почти трогательный в любви к Алеше, вызывающий сострадание старик.

Почему-то, смотря «Тему с вариациями» С. Алешина, веришь не только в то, что он, представший и представившийся в начале спектакля артистом, становится еще и рыцарски-старомодным, интеллигентным адвокатом Дмитрием Николаевичем, но и азартно-смешным плебеом — бочечным мастером из новеллы Боккаччо, ироничным и пылким Сирано де Бержераком, трагическим от духовного одиночества в начинающем маршировать мире Маттиасом Клаузенном...

Чудеса трансформации Плятт демонстрировал и в более ранних своих ролях:

вспомним хотя бы ПДП — Постоянно Действующий Персонаж из незамысловатой пьесы В. Азерникова «Возможны варианты». Штрих, намек — и не выговаривающий 30 из 33 букв вальжно-тупой логопед превращался в хамоватого начальника ЖЭКа, а тот — в благовоспитанного и трогательно престарелого жениха.

Такие мощные переходы от буффонады к трагедии, от лирической исповедальности к горькому сарказму внутри одной роли, как это происходит в «Теме с вариациями», заставляют думать примерно следующее: что за разница — мелодраму, трагедию или комедию играет Плятт. Его талант не уместить в прокрустово ложе ни амплуа, ни жанра, он подвластен только времени исполнения — сегодняшнему дню.

Впрочем, если вспомнить три самые любимые актером роли: чеховского тазера Рублева, фон Ранкена в «Днях нашей жизни» Л. Андреева и Аркадия Бурмина в «Парне из нашего города» К. Симонова, станет ясен диапазон его творческих привязанностей. Счастье в том, что привязанности реализуются, что желание совпадает с возможностями.

Плятт — человек легендарно добрый и столь же легендарно принципиальный, поэтому не вызывает и тени сомнения искренность его слов: «...Дайте мне хорошую современную роль — подчеркиваю, хорошую, и я вам за нее отдам Арбенина и Отелло».

На пути к желанию актера оказалась роль вице-адмирала Панаева в пьесе А. Штейна «Черный гардемарин». В спектакле она помножена на абсолютную правдивость и естественность сценической жизни актера, каким-то чудом сочетающиеся в его таланте с любовью и даром лицедейства. И на абсолютное доверие зала к Ростиславу Яновичу Плятту. Поразительно, как мало в этом спектакле Плятт говорит и как много он успевает сказать. Это тоже одно из свойств таланта артиста. Впрочем, свойств этих так много, что рамки газетного регламента не хватит даже для простого их перечисления, на то, чтобы лишь вопрошающе воскликнуть: «Как это получается у актера!»

Как в грузном, трудно передвигающемся Панаеве, одетом в вязаную кофту и домашние

туфли, все время чувствуется военная сточка? Почему Дмитрий Николаевич из «Темы с вариациями» представляется именно юристом, а Шлаг («Семнадцать мгновений весны») — пастором? И в полосатом рубище заключенного, и в лыжной шапочке — все равно пастором. А Дан из фильма «Иду на грозу» — ученым. И не просто ученым, а физиком. И не вообще физиком, а теоретиком. И не только одаренным, а гениальным? Сыграть человеческий талант — самое трудное для актера, здесь требуется равнозначность исполняемого и исполнителя. Потому столь редким актерам это доступно. Плятт — из их числа.

Наверное, поэтому так удается Чехов, такой победной оказалась первая встреча с Достоевским, а великий английский драматург Шоу признался, что ему гораздо больше нравится Шоу в исполнении Плятта, чем сам Бернард Шоу...

Кто-то подсчитал, что Плятт сыграл в театре около 200, а в кино — более 40 ролей. Не всегда в их основе была «большая» драматургия. Часто большим из множителей в создании произведения становился талант артиста, его человеческая значительность. И поэтому произведение случилось всегда. Сегодня к этим 200 ролям прибавилось еще 3 — старик Карамзюв, Дмитрий Николаевич, вице-адмирал Панаев, за исполнение которых Ростислав Янович Плятт выдвинул на соискание Государственной премии СССР. Завтра к ним прибавятся новые роли. Потому что на улице я встречаю Плятта с палочкой, а в тот же вечер на сцене, в «Черном гардемарине», — задиристо приплясывающим. Потому что вчера он был трагически обреченным Барилеем Купером, которого дальше ожидала только тишина, а сегодня — лихо экстравагантным Фицбатрессом в спектакле «На полпути к вершине». Потому что интеллектуальные, эмоциональные, физические возможности артиста на сцене безграничны. А потребность в той духовности, которой ударяет он зал каждой встречей, — неистребима.

Потому что общение с Пляттом необходимо каждому, — начиная с трехлетних малышей, для которых «пишет он сказки Киплинга», и далее всегда...

Светлана
ОВЧИННИКОВА.